АНТЕЕВ ПУТЬ В НАУКЕ

Скоропостижная смерть Ивана Дмитриевича Ковальченко лишила российскую и мировую историческую науку не только выдающегося, новаторского ученого, но и мудрого руководителя.

Я познакомился с Иваном Дмитриевичем в 1964 г., когда он был еще доцентом исторического факультета МГУ, а я был робким стажером на том же факультете. С середины 70-х мы работали вместе - скорее, я работал под его руководством - над разными совместными научными мероприятиями (конференции, публикации и др.). Через него я познакомился с выдающимися американскими специалистами по экономической истории. Более того, через него я познакомился с его учениками, теперь моими дорогими коллегами и друзьями, и через них же - с третьим поколением историков России. Он вовлек меня в применение математических методов. Благодаря его усилиям, одна из моих статей была опубликована в России, и за ней последовали другие.

Отметим некоторые поворотные пункты в исследовательской работе Ивана Дмитриевича. Первая его монография, "Крепостное хозяйство в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX века", была солидным, даже образцовым исследованием, однако еще традиционным по своей тематике. Но впоследствии эта книга оказалась вехой в развитии применения количественных методов в России, ибо имеет немаловажное значение. Она свидетельствует о том, что Иван Дмитриевич был тружеником на ниве исторической науки до того, как он стал "количественником". На Западе, и особенно в Америке, "клиометрика" считается отдельной отраслью знания, и, как правило, клиометристы имеют экономическое образование и работают на экономических факультетах. Иван Дмитриевич понимал, что для нас, историков, математика - лишь орудие, которое никак не заменяет ту широкую подготовку и то солидное эмпирическое знание, которые давно считаются основами исторической науки.

Так, в трудах Ивана Дмитриевича и его учеников мы не находим тех смущающих неудач, которые слишком часто бывают в трудах зарубежных клиометристов⁴. Ему были чужды дух Икара и всякие необдуманные полеты; он был похож на Антея, который черпал свою силу из земли. В последней части второй своей монографии, "Русское крепостное крестьянство первой половины XIX века", Иван Дмитриевич пользовался статистическим анализом впервые. Перечитав эту часть 30 лет спустя, интересно отметить, как автор откровенно выдавал себя новичком, ссылаясь даже на учебники. В последнее время некоторые историки оспаривают основную концепцию книги, то есть, кризис крепостного хозяйства накануне отмены крепостного права. Корень разногласия, на мой взгляд, надо искать в приверженности исследователя к естественным показателям - к динамике народонаселения, урожайности, поголовья скота на душу и т.д. Применение денежных показателей, в особенности данных о доходности помещичьих имений, дает несколько другую картину. Но Иван Дмитриевич был убежденным марксистом до конца жизни и всегда предпочитал сугубо материальные, то есть естественные показатели. И какими бы методами и данными ни пользовались историки в дальнейшем, о месте книги "Русское крепостное крестьянство .." как краеугольном камне направления исследований, связанного с применением математических методов в российской науке, спора не будет.

Третья крупная монография Ивана Дмитриевича, "Всероссийский аграрный рынок. XVIII-начала XX века; Опыт количественного анализа", вышла в 1974 г. в соавторстве с Л.В.Миловым. Впоследствии Иван Дмитриевич писал много статей и глав книг, главным образом в сфере методики и методологии, но в своих конкретных исследованиях он искал и находил надежных сотрудников. В этом отношении он следовал примеру ученых в области "точных" или естественных наук, для которых сотрудничество является насущной необходимостью. Ему был чужд преобладающий образ историка как единоличного (наверное, он сказал бы, "кустарного") работника. Таким же образом, мы не находим в его трудах излишнего красноречия или других следов кустарного тщеславия - опять по примеру естественных наук.

Книга о рынке охватывает еще большую тему, чем предыдущие, но в конце концов во всех исследовательских трудах Ивана Дмитриевича была одна главная тема - постепенный и сложный переход российского крестьянства от вековых устоев к рыночной экономике. Значение этого еще не завершенного перелома кажется еще более великим после падения Советской власти; теперь Великий Октябрь немного отступил. В одной из последних наших бесед, Иван Дмитриевич выразил желание оставить работу в Академии наук (а не преподавание в Московском университете) и заняться проблемой менталитета русского крестьянства. Судьба не дала ему возможности осуществить это намерение, но я уверен, что его исследование и на этом поприще касалось бы того же великого перелома. (В той же беседе, Иван Дмитриевич вспомнил о своем родственнике, который переехал в Америку еще до первой мировой войны,

⁴ Из обильной литературы, см. в особенности критику книги Conrad and Meyer. 'The Economics of Slavery' в книге E.Genovese. 'The Political Economy of Slavery' (New York, 1966); о 'Времени на кресте' см. H.Gutman и др., 'Slavery and the Numbers' Game (New York, 1979). Энгерман и особенно Фогель бодро отстаивали свои методики и выводы в целом ряде публикаций, но в последнее время Фогель согласился с многими доводами своих критиков и, в частности, с доводом, выдвинутым Дженовези много лет раньше: бухгалтерский учет не может охватить целый социально-экономический уклад.

но остался легендарным в родной деревне и в 30-х гг. благодаря своей бодрости и предпринимательской удали; только в последствии я признал в повести о баснословном двоюродном дедушке удачный комплимент американскому собеседнику).

Более того, труды Ивана Дмитриевича имеют большое теоретическое значение для всех историков и экономистов, интересующихся проблемой модернизации не только в России, но и во всем мире. Жаль что, пока только некоторые его статьи вышли на иностранных языках⁵.

Достижения Ивана Дмитриевича, конечно, не ограничивались исследовательской работой. Он занимал целый ряд ответственных постов: заведующий кафедрой источниковедения, главный редактор журнала "История СССР", академик-секретарь отделения истории АН СССР, не говоря о множестве временных и почетных постов. Он оказал влияние на ход исторической науки в своем Отечестве и, в определенной степени, вне его пределов. Можно сказать, что он обладал властью. За рубежом историк не может мечтать о власти такого масштаба над судьбою учреждений, исследовательских направлений и отдельных историков. Только во Франции, быть может, имелась такая централизация во всех отраслях науки, какая была в СССР⁶. Например, Роберт Фогель, нобелевский лауреат, коллега и друг Ивана Дмитриевича, получил рекордный (для социальных наук в Америке) грант для своей работы над экономией рабства в США. На средства гранта он пригласил и выдвинул довольно большую группу молодых историков и экономистов. Но срок гранта миновал, вышел двухтомник "Время на кресте" (в соавторстве со Стенли Энгерманом), и Фогель стал опять если не простым смертным, то уважаемым ученым, который уже не мог, вне пределов своего факультета, направить ресурсы на решение тех проблем, которые ему казались целесообразными.

Иван Дмитриевич, думается, не пользовался властью, используя свои научные должности, а наоборот: он входил в эти должности благодаря своим личным качествам - и политическому, и житейскому такту, неутомимой работоспособности и целеустремленности. К какой цели стремился он?

Прежде всего, требуется учитывать общую конъюнктуру. Вообще говоря, зрелые годы Ивана Дмитриевича совпали с периодом застоя - имея в виду, что для исторической науки этот период начинался делом Бурджалова в 1958 г.

После этого дела журнал "История СССР" обосновался как оружие против "ереси". В такое время, при условиях тщательного контроля КПСС над историками, какой курс должен принять убежденный марксист, который желает содействовать развитию отечественной исторической науки? Я подчеркиваю, что здесь я никак не пишу со слов Ивана Дмитриевича. Как часто бывает то, что после смерти коллеги или друга, мы думаем о тех вопросах, которые мы не задавали при жизни покойного! Я пишу только на основании долгого знакомства и новых размышлений.

Во-первых, Иван Дмитриевич понимал, что из всех возможных по-настоящему научных видов анализа, количественные методы имели то преимущества, что они соответствовали тому понятию научного социализма, который имели партийные бюрократы ортодоксального. И Энгельс, и Ленин благословили математику в социальных науках. Во-вторых, Иван Дмитриевич понимал необходимость преодолеть ту замкнутость и изоляцию от мировой исторической науки, от которых советские историки страдали уже с 30-х годов. Эти задачи, стоявшие перед ним, увязывались друг с другом, ибо контакты с зарубежными коллегами на "безобидной" почве квантификации были вполне возможны.

Но намеченный путь оказался тернистым. К этому времени, ЭВМ входили в употребление. Теперь персональный компьютер дает любому исследователю возможность вести диалог с данными: ставишь вопрос, получаешь (с помощью соответствующих программ) ответ на него, и на основании ответа ставишь новые вопросы - до тех пор, пока не будет получено решение исследовательской задачи.

Тогда имелись только большие компьютеры, к которым историк-исследователь не имел, как правило, непосредственного доступа. Историкам повсюду, но особенно в СССР, приходилось бороться за доступ к компьютеру - за "время", как мы тогда говорили - и бороться в соперничестве с представителями военно-промышленного комплекса, точных и прикладных наук и правящих сил.

В этой неравной борьбе требовалось такого рода политическое умение, которым владел Иван Дмитриевич. Далее, научно-исследовательская работа часто приводит к неожиданным результатам; иначе прогресс невозможен. Но что получилось бы, если бы применение математических методов и ЭВМ дало неожиданные результаты, которые не нравились бы партийным "воеводам" науки?

Дальнейший доступ к компьютеру закрылся бы, не говоря о судьбе целой области исторической науки и работников в ней. Чтобы не было такой катастрофы, требовалась редкая проницательность при выборе научных задач; требовался умелый контроль. Словом, непременным условием прогресса в этой

⁵ I.D. Koval'chenko and N.B.Selunskaja, with a preface by Daniel Field, 'Labor Rental in the Manorial Economy of European Russia at the End of the Nineteenth and Beginning of the Twentieth Centuries', *Explorations in Economic History*, vol. 18, no.1 (1981); I.D.Koval'chenko and L.I.Borodkin, 'Two Paths of Bourgeois Agrarian Evolution in European Russia; An Essay in Multivariate Analysis', in: Morton Rothstein and Daniel Field, eds. *Quantitative Studies in Agrarian History* (Iowa State University Press, 1993).

⁶ В 1960-1970 гг. Фернан Бродель обладал влиянием подобным тому, что имел Иван Дмитриевич в 1970-1980-х гг.; в это время он был ответственным редактором журнала *Анналы* и директором Шестого отделения *Ecole Pratique des Hautes Etudes*, а также обосновал Дом науки о человеке.

области был постоянный компромисс. Такого вида компромисс мог быть непривлекательным, но, подчеркиваю, он не означал отказа от принципов науки.

Подобная ситуация имела и по отношению к развитию международных связей советских историков. Соответствующий отдел ЦК КПСС очень зорко следил за всеми контактами советских ученых с иностранцами. В течение 25 лет я живо ощущал это внимание и, конечно, оно ощущалось во много раз больше моими советскими коллегами. Опять, требовался контроль - можно сказать, требовался политический контроль в пользу науки. Если бы на международной конференции или на страницах зарубежного журнала, хотя бы один ученый, по примеру волка Владимира Высоцкого, "из повиновения вышел" и вырвался "за флажки", то страдал бы не только тот ученый, но и общее дело преодоления изоляции. Опять требовались компромиссы и немалая доля стойкости и терпения со стороны Ивана Дмитриевича.

Привожу конкретный пример для иллюстрации. В 1977 г. я был ученым секретарем американского оргкомитета по очередному Симпозиуму советских и американских историков. Узнав, что Иван Дмитриевич прибыл в Вашингтон не только в этой связи, но и по поводу еще одной конференции, я заехал к нему для предварительной дискуссии о темах. Согласие скоро и легко было получено, когда за наш стол сел неизвестный молодой парень в новом костюме. Он скоро и довольно грубо перебил Ивана Дмитриевича и объявил, что неформальная предварительная дискуссия неуместна, и что повестку симпозиума можно обсудить и решить только на торжественной общей сессии обоих оргкомитетов в Москве. Иван Дмитриевич сразу замолчал. Я удивился тому, как он, уважаемый ученый и уже член-корреспондент АН СССР, подчинился молодому парню. Я продолжал заниматься делом симпозиума. Весной 1978 г. состоялась общая сессия двух оргкомитетов. Из разговоров за 2-3 дня до сессии я твердо убедился, что советские и американские бюрократы так крепко держали дело в своих руках, что не будет места для серьезных историков на симпозиуме. Я думал о бойкоте сессии, но вежливость взяла верх. На сессии Иван Дмитриевич сидел "на Камчатке" - то есть, на месте для курящих - и другие курящие, покойный Николай Васильевич Сивачев и я, сидели с ним рядом. Иван Дмитриевич был единственным участником, который не говорил по-английски; он попросил нас, своих соседей, переводить. Перевод незаметно стал дискуссией по существу, наша тройка достигла общего согласия и оказалось, что повестка и темы симпозиума решились "на Камчатке". Симпозиум открылся шесть месяцев спустя и имел, по признанию и советских и американских участников, полнейший научный успех. Я отмечаю, что Иван Дмитриевич использовал незнание языка, чтобы играть решающую (и положительную) роль в международной обстановке.

Далее, в отличие от меня, он понимал, что бюрократы относятся не враждебно к науке, а безразлично. Пусть наука процветает, думают они, лишь бы не было скандала. Иван Дмитриевич знал, как избежать скандала.

Еще один случай. В 1984 г. я выступил с докладом на международной конференции в Монреале. Ивану Дмитриевичу очень нравились и методика моего доклада и обилие в нем контрольных данных. В порыве энтузиазма он заявил, что доклад следует опубликовать в России. Это было неосторожное заявление. Я выступил на конференции по-русски с англоязычного текста. И Иван Дмитриевич, и другие советские участники не точно поняли этот текст. В частности, не поняли одной роковой фразы⁷. Но языковеды Главлита хорошо поняли (как мне сообщили друзья). Через некоторое время я получил от Ивана Дмитриевича письмо о ходе работы над книгой, письмо краткое, почти без содержания; в деловой переписке он слова очень экономил. Ничего в нем не заинтересовало бы постороннего читателя. Но в письме он обратился ко мне на "ты"; мы тогда не говорили на "ты". Смысл под словами был: мы друзья, вы понимаете положение, сделайте то, что нужно для общего нашего дела. Я вычеркнул роковую фразу и добавил кое-что об условном характере своих выводов. Книга была опубликована, в ней моя статья - одна из первых статей "буржуазного" историка об истории России, которая вышла из печати в советский период. Прометей или Икар поступил бы иначе, чем Иван Дмитриевич (или я). Покойный ходил по Антееву пути.

В конце первой части Утопии Томаса Мора идет беседа о власти. Один собеседник настаивает на том, что гуманист (по-нашему, ученый) не может иметь дело с властью и с властью имущими. Власть непременно развращает; более того, личные отношения с искателями и любителями власти не могут не быть противными честному человеку. Второй собеседник не оспаривает доводы первого, но отвечает, что когда буря грозит кораблю, честный человек не может не взяться за руль. Мор был и ученый, и политик. Оба собеседника говорили за него. Мор подвергся мученической смерти. Мучеником Иван Дмитриевич никогда не был. Наверное, его практический ум считал бы мученика не героем, а лишним видом неудачника. Но в пользу науки и ученых - словом, в нашу пользу - он взялся за руль.

⁷ Фраза была, насколько помню: "My findings will hold little comfort for those who believe, with Lenin, that..."